

Ваше письмо, мое 'доброе', горько и сладко. Оно меня
вспрудило, поразило меня, как молния. Я сел и запла-
кал, разволновался и теперь чувствую, что оно вошло
глубоко - сидит в моем сердце. Как Вы приласкали моего
поладосерд, как пусть Бог утешит Вашу старость, а все
и найдет и слов, и дел, и радости благодарит Вас. Вы зна-
ете, какими глазами обыкновенные люди смотрят на таких
избранников, как Вы; можете похвалить судьбу, что сохранила
для моего самонаблюдения Ваше письмо. Оно выше всякого
диплома, а для начинающего писателя оно - подарок за
настоящее и будущее. Я как в раю. Клер у меня был судья,
расширена моя алая высокая награда, или клер. Повздорно
древко, что оно меня поразило.

Если у меня есть дар, который сегодня уважает, то, какой
перед истинным Вашим сердцем, я до сих пор не уважал его. Я
чувствовал, что от у меня есть, но привык слышать его и убо-
жить. Будь бы к себе не справедливым, крайне несправедливым
и подорванным, для организации дозарочно пригласить истин-
ного своего сердца. А такой пригласит, как теперь упоминаю,
у меня дозарочно. Все мои близкие всегда относились к мне
холодно и к моему авторству и не переставали дружески сово-
зворажили, и теперь ястоющие дела на будущее.

У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятки
два писателя, и я не могу упомянуть ни одного, который бы
заинтересовался, или выдал бы мне художника. В Москве
есть даже журналы, "литературный кружок": заману и посред
ственности всевозможные возрасты и мастерицы собираются раз в неделю
в кабинет ресторана и прогуливаются здесь свои дружки. Если
пойду или буду и прочесть хотя кусочек из Вашего письма
мне кажется в лицо. За раз или моего знакомства по
и успел прохититься и даже обиделись взглядами на свои
журналисты и мастерицы, скоро привык снисходительно смеяться
на свои работы и - пошла писать. Это первая приманка. Вот
- я врач и по чужим врачам в своего медичина, хотя и
говорка о двух врачах никому другому не мешала хотя
как и не.

Теперь все это для того только, чтобы моя немого об
се перед Вами в своем зрелом зрелом. Доселю ознакоми
я к своей литературной работе крайне легкомысливо,
но, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над кото
рым я работал бы более суток, а "Еще", который Вам
полюбился, я писал в купальне. Как репортеры пишут
свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: ма
ксимально, поубеждающе, не мало не забывая ни о чита
теле, ни о себе самом. Писать и вечно стараюсь
не отразить на рассказы образов и картин, которые мне

книги псевдонимом, но я не посмел, второе, что с
слабее. Книжка моя хоть очень не красива. Это выиграла
породогами 'среди студенческих работашек, оценок и
зурок и редакторами юмористических изданий. Я вярно, что
чужды ей, много разговаривали. Знаю я, что меня чуждо
за меня 'сидите Вы, а не сядете вы нечуждо зор' книги.
Все надежды на будущее. Мы еще только 26 лет. Може
быть, что-то чуждо сдвигать, хотя время быстрое
просишь за дневное письмо и не вытискивать темовку в
что он первый раз в жизни дерзнул поблагодарить себя за
намерения, как письмо к Григорьеву.

Примите, если можно, Вашу карточку. Я захотел
и избуду писать Вам, что, конечно, не могу, а что-то
написал бы Вам. Да-боже Вам спасибо и здоровья
и вярно искренности моего уважающего
Вас и благодарного

А. Тихо

В. П. В.